

Члену президиума Академии российской словесности,
ответственному секретарю Орловской областной
писательской организации, сопредседателю правления
Союза писателей России поэту
ПОПОВУ Г.А.

Уважаемый Геннадий Андреевич!

Примите сердечные поздравления с 70-летием и
сорокалетием литературной деятельности!

Вы – из поколения сороковых годов двадцатого века,
опалённого войной.

Ваша трудовая биография вызывает глубокое уважение.
Тридцатилетний труд в электронной промышленности, где
Вы прошли путь до главного инженера крупного завода,
отмечен государственными наградами и званиями. Одно-
временно, будучи членом Союза писателей СССР, Вы не
менее плодотворно работали в литературе как поэт и пуб-
лицист и с 1995 года бессменно возглавляете Орловское
отделение Союза писателей России. Ваша литературная
и просветительская деятельность заслужила широкое при-
знание и высокую оценку общества. Ярким свидетель-
ством этого является присуждение Вам премии ЦФО I сте-
пени «За произведения художественной литературы» и
четырёх Всероссийских литературных премий. Вы избра-
ны членом президиума Академии российской словесно-
сти и членом-корреспондентом Академии поэзии. Имя
Геннадия Попова, автора семи поэтических книг и не-
скольких сотен публикаций, знают и по праву ценят про-
фессионалы и простые читатели Орловского края и дале-
ко за его пределами. Вы истинный русский поэт –
продолжатель великих литературных традиций России!

Желаю Вам крепкого здоровья, творческого долголе-
тия и личного счастья!

Г.С. Полтавченко,
Полномочный представитель
Президента Российской Федерации
в Центральном федеральном округе.
30 августа 2010 г.

ГЕННАДИЙ ПОПОВ

МАНСАРДА

(цикл стихотворений)

*Моим орловским друзьям-художникам
по случаю 50-летия их мастерских
на шестом этаже,
названных доброй молвой "Мансарда"*

Редсовет альманаха поздравляет Геннадия Андреевича Попова со зна-
менательными юбилеями со дня рождения и творческой деятельности и
с присуждением премии ЦФО I степени в номинации "За произведения
художественной литературы" за 2009 год!

Орловские художники по случаю 50-летия их мастерских на шестом этаже.

ЭКСПРОМТ “ДВИЖЕНИЕ”

А.И. Курнакову – в память о поездке
в Спасское-Лутовиново осенью 1994 г.

Навстречь летели долы, перелески,
Стелились, как туман, пристылые луга,
Неслись километровые отрезки,
Кружились островерхие стога.

И солнца круг, тревожный, воспаленный,
Распарывал живые облака.
И косогор, от ельника зеленый,
От ветра отворачивал бока.

Леса качались, словно хворостины,
Струились вдоль дороги провода...
И все это сливалось воедино
И уносилось ветром навсегда.

Такое безоглядное круженье,
Упругий опьяняющий полёт...
И мощное земное притяженье.
И мысли, вихрем мчащие вперед.

ВЫСТАВКА РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
(персональная выставка И.Г. Степанова)

“Красота спасёт мир...”
Ф.М. Достоевский

Непроходима вековая даль,
Как наша непроезжая дорога.
Осенних вод неласковая сталь...
Как надо в жизни, в сущности, немного.

России неоглядные места...
Не пробежать их второпях – по залам.
Изверившись без веры и креста,
Душа скорбит и мается о малом.

Она полна забот и суеты...
Но приоткрылась в заповедном дворца.
Как тетива, натянуты холсты
И остриями кистей ранят сердце.

Целительный и сладостный укол...
Так муки обрывали на распяты.
Я духом слаб, к тому же ниц и гол
И позабыл, что люди в мире – братья,

Что нет высот превыше красоты...
И вдруг как будто вырвался из плена:
Здесь властвуют над временем холсты,
Спасённый мир покоится на стенах.

ЗОЛОТЫЕ ТЕНИ

М.С. Хабленко

Быть может, выделен надел
Для вдохновенья и раздумий...
Но до сих пор не надоел
Чертополох моих безумий.
Все время делаю не то
И понапрасну силы трачу.
И, словно старое пальто,
Не берегу свою удачу.
И не коплю на черный день,
Не понимаю сути века.
Его стремительная тень
Попрала златом человека.
И нету выше божества,
Что наделяет высшей властью...
Я убегаю с торжества
Сего сомнительного счастья.
Срубаю под собою сук:
Гори огнем его полено!

Пусть не поймут ни сын, ни внук,
Но бедность все же лучше плена.
Читал, что нищие рабы
Не знают сладкий яд наживы,
Пусть ниже скошенной травы
Их душ стремленья и порывы.
И не скосит чертополох
Моих нелепых откровений...
А мой удел не так и плох:
В нем бродят золотые тени.

* * *

Делу – время, потехе – час.

Пословица

Не перевернута страница, –
Почти прочитана судьба.
Недавно родственные лица
Сегодня помнятся едва.
Век на земле недолговечен:
На небе дольше длится час.
Что давит тяжестью на плечи
И не пускает в небо нас?
Не наше дело человечье –
Все знают ангелы за нас,
Пока оттягивает плечи
Наш век земной – потехи час.
Но только до поры, до срока,
А дальше...

Я не знаю – что.

И нету на земле пророка
Явить нам вечность иль ничто.

ИНЕЙ

(триптих)

Ольге Душечкиной

1

Снежный флёр на деревьях, кустах,
Просветленная даль не видна.
Стынут краски на белых холстах,
Замирают слова на устах.
Тишина.
И откуда такая напасть:
Убеленных деревьев стена,
Хрупким панцирем скрытая страсть,
В небо мглистое тщится упасть.
Тишина.
Может, стылая сила корней
Для зимы и мала, и смешна?

Нет опоры на свете верней,
Чем родная земля, а над ней –
Тишина.

Побелели поля и дома.

Но природа ни в чем не грешна:

Не повинна в тревоге зима.

Иней выпал, и прячется тьма.

Тишина.

2

Опять мороз в гостях у декабря...

Заиндевели улицы и звёзды.

Напрасных слов в ночи не говоря,

Спокоен мир и словно только создан.

За белой речкой – чёрные тона,

И допоздна в домах желтеют окна.

Восходит полноликая луна,

Рисуя поднебесные полотна.

На том обледенелом берегу

Сейчас никто не ждет ночного гостя.

За тучами на золотом лугу

Судьба роняет спелые колосья.

Над снежным полем кружит вороньё

И шелестит несметными крылами.

Всё мчится счастье горькое моё

С закушенными насмерть удилами.

Последний свет в окне давно погас.

Уснувший город погрузился в иней.

И затерялся запоздалый глас

Души заблудшей в праведной пустыне.

3

Сгинул иней на зимних ветрах,

С каждым часом крепчают снега,

И звончей провода на столбах.

Всё белее леса и стога,

Всё труднее пуститься в бега...

Стынет город в лучах фонарей,

Стынет купол небес ледяной,

Стынет мрак у закрытых дверей.

Хмурый взгляд ощущаю спиной.

А на небе – звезды ни одной.

Всех озябших в колючей ночи

Не согреет приветливый свет,

В эту темень, кричи не кричи,

Ни забвенья, ни памяти нет:

Ничего не услышишь в ответ.

Утешений прошли миражи.

Ветер снежною крупкой сечёт.

Впереди что осталось, скажи:

Нашей жизни шальной виражи

И грехов неотпущенных счёт?

Отстоится печаль до весны

В чаше памяти, полной утрат.

Станут летние ночи густы,

Станут осени краски грустны,

И вороны зимой закричат.

Декабрь 1991

ДОРОГА

Юрию Арбузову

Слышишь плач о загубленном времени?

Не вернуться на круги своя.

Но дорога от роду и племени

Все бежит по снегам бытия.

Вьюге стихшей неймется, как ворогу...

Скрип саней у тесовых ворот.

Реет солнце холодное вороном,

Беспределен вдали поворот.

Ни подать, ни принять подаяния...

Непрощёнными нас отпоют.

Стынет праведный храм покаяния,

Ждет в часовне последний приют.

Вопиющего глас да не слышен...

Тайным светом мерцает окно.

Все земное отобрано свыше,

А взамен ничего не дано.

Ни просвета, ни доброго слова,

Лишь покоя смятенного плен.

Пепелище родимого крова

Да мозолища стёртых колен.

Спит возница без песен и ругани,

И потерянно лошадь бредет.

Птицы вольные клетками пуганы,

А мятежные – стреляны влёт.

Тяжко горбится Статью Великая,

Щедро делит последний ломоть.

У подножья, слюнявясь и рыкая,

Рвут стервятники светлую плоть.

Сколько тешилась разная пакость,

Разгулявшись по нашим снегам...

Ну а нам – только выкуси накось

И дреколем – по нашим ногам.

Видно, хватит на днищах стаканов
 Нам скандальную славу искать:
 Вышел звон из дырявых карманов.
 Ты прости нас, забытая мать,
 Что напрасно душа пропадала
 И почти что успела пропасть.
 Не цыганка на картах гадала –
 Сами выбрали карту и масть.
 Снег и тучи – как белые тени,
 Как виденья на месте пустом:
 То ли ведьма уселась на веник,
 То ли дьявол виляет хвостом.
 Наши раны врачуются солью,
 Нам в лицо укоряют перстом...
 Жжем знамена, побитые молью,
 И плутаем в тумане густом.
 Распоследнюю скинув рубаху,
 Отряхнувшись от всяческих пут,
 Натерпевшись позора и страху,
 Побросали и вожжи, и кнут.
 Как из рабства, сбегает из братства.
 Стало модным в колодцы плевать
 И спускать за бесценнок богатства.
 Ты прости нас, несчастная мать,
 И грехи отпусти многократно...
 Ярославна, жалей ямщика:
 На дороге, как во поле ратном,
 Черту – вилы, а Богу – щеча.
 Кто примерился в призрачном свете,
 Чтоб камень в пророков кидать?
 Мы – твои забубенные дети...
 Ты прости нас, великая мать.

НОЧНОЙ ЭТЮД С ЦИКЛАМЕНАМИ

Анатолию Костянкикову

Тень деревьев упала на белый туман
 И повисла, как призрак, дрожа.
 И пустилась луна скакать по домам,
 Отливая блеском ножа.
 Дышала тревогой ночная мгла.
 Шаги погружались в снег.
 Судьба, как могла, себя берегла,
 Замедляя бешеный бег.
 И сердца приглушенно стучали врозь,
 Смыкался небесный круг.
 И торчала в подъездах пьяная бось,
 Чтоб появиться вдруг.

Облако тиснуло в небе печать,
 И воцарился мрак.
 И продолжал зловеще молчать
 Невидимый злобный враг.
 Мы тягостно шли по холодной земле,
 Где не росли цветы,
 И плыли тени на зыбкой мгле
 Пленительной красоты.
 Ночь хмурила темную бровь,
 Щурила черный глаз.
 И остывала сонная кровь,
 Разъединяя нас.
 Тучи прятали звездный свет...
 Но был вечный покой,
 Где ни любви, ни смерти нет
 И жизни нет никакой.
 И возроптал, и взмолился я:
 “Будь справедлив, Господь,
 Если на все воля Твоя,
 На душу мою и плоть.

Дай счастья не выше душевных сил
 И отпусти грехи...”
 И Всевышний дерзость мою простил,
 Развеял разгул стихий.
 Мы расходились в туманной тиши
 Под синим светом луны.
 На улице не было ни души,
 Были все спасены.
 Но, словно молитву в ночи творя
 За горечь людских измен,
 На подоконнике декабря
 Безумно цвел цикламен.

ШИПОВНИК И ВОРОН (притча)

Валерию Беганову

Ледяным серебром заморожен,
 Куст шиповника рдеет в снегу.
 На дубу, убеленный порошей,
 Стынет ворон на черном суку.
 Ярким солнцем в лучах зацелован,
 Алый куст воссиял поутру.
 Птица пестует вещее слово
 На зловещем холодном ветру.
 Красным жаром над белым покоем
 Светит куст за безмолвным селом.

Словно нищий корявой клюкою,
Белый ворон поводит крылом.
Как рубины под искрищем колким,
На морозе кровавят плоды.
Вьюги рыщут, как злобные волки.
Ворон спит и не чувствует беды.
Красный рыцарь, печаль вековая,
Видел в белом первейшее зло..
Просвистела стрела роковая,
Вздрыгнул конь, проскрипело седло.
С притороченным вороном всадник
Проскакал.. И осыпался куст.
Потемнел и погас палисадник.
Мир разверзся, бесцветен и пуст.

ВЕСНА НА ОРЛИКЕ

Николаю Силаеву

Как хорошо на верхнем этаже...
Бродяжий кот метет хвостом пушистым.
Двадцатый век в прощальном вираже
Одаривает бликом золотистым.
Вся в самоцветах светлая река:
Под солнцем рябь сверкает, словно камни.
Казенный дом открыл на тайнах ставни,
Лучам подставив красные бока.
Прозрачный город вдоволь напоен
Цветущею весеннею прохладой..
Под колокол вдруг вспомнится с усладой:
"Блажен, кто верует.."
И счастлив, кто влюблен!
Звонит в душе неслышная струна,
Застыло время в дружеской беседе..
Здесь не мешают чуткие соседи.
Отсюда судеб линия видна.

ЛИЛОВЫЙ СОН

Валентине Олейниковой

Над уличными фонарями,
Как дырка на черном сукне, —
Вечернее небо с полями:
Лиловая шляпа в окне.
Забывши о вечном, о главном,
О будущем, брэнном, былом,
Плывет в колыпании плавном
Шляпа с лиловым пером.
Лиловые тени колышат
Стены белоснежной покой.

Смиренно слетает на крышу
Замотанный шум городской.
Не трогая выпрненным словом
Видений несбыточных сонм,
Купаясь в безбрежном лиловом,
Парит неразгаданный сон.

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО В ОРЛЕ

Валерию Романенко

Висит в тиши Дворянское гнездо
Осенним днем в зеркале отраженья.
И солнечной энергией движенья
Наполнен каждый взгляд и каждый вздох,
И охрой листьев трепетных берез,
И благодатью нетленного покоя..
Летающей глыбой светится откос,
Что высится над стынувшей рекою.
Иссиня-золотистая вода
Возносится к высотам листопада..
А может, больше ничего не надо
И ничего не будет никогда.

ПОРТРЕТ ПИАНИСТКИ

Не надо лишних слов, минутных откровений:
Спешит моя заря быстрее отгореть.
В прозрачной тишине парят неслышно тени
Всех сладостных утрат, недостижимых впрямь.
Вот призрачный букет легко сжимают руки,
Таинственно молчит невидимый рояль.
Но клавиши светлы.. И трепетные звуки
Скрывает синева волшебная вуаль.
Боюсь поднять глаза: тоска и бесприютность,
Где ловит пустоту мой отрешенный взгляд.
Портрет — врата времен: я возвращаюсь в юность..
И радостно, и страшно мне, что не вернусь назад
Забудусь и сожгу мосты и переправы,
Оставляю на земле авансы и долги.
Останусь в небесах, счастливый и неправый,
Где судии судеб возвышенно строги.
Еще одна звезда взойдет на небосводе..
В июне сон глубокий, а ночи коротки.
И ожиданье слов витает на свободе,
Не утомляя снов волнующей строки.

А. Костяников "Портрет пианистки Елены Кочериной".

И тихая печаль ласкает мою душу...
 За чудо красоты судьбу благодарю.
 Молчанием своим покоя не нарушу,
 Встречая в звездный час закатную зарю.

21 июня 2000

ОСЕНЬ

Ю. Арбузову

Березы в сиянье осеннем
 Стояли как в жарком цвете.
 Сквозь золото призрачной сени
 Октябрь набирал высоту.
 Покоилась синь поднебесья,
 Как чаша с узорами крон.
 Раздольная тихая песня
 Печалилась с разных сторон.
 Тянуло дымком с огородов,
 Круг солнца катил не спеша...
 В немом единенье с природой
 Светло прослезилась душа.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ПАРК

Александрю Кузнецову

В Александровском парке –
 каштаны
 И вечерний Вечный огонь.
 Что ты мне второпях прошептала,
 Что неслышно сказала вдогон?
 От себя не сбежишь из дома...
 Словно вижу остывший след.
 Над качнувшимся аэродромом
 Опрокинулся белый свет.
 Снова я и влюблен, и нежен,
 Обратившись во взгляд и слух...
 Откипела весенняя свежесть,
 Облетает небесный пух.

ЗА КИСТЬЮ ХУДОЖНИКА

А. Костяникову

Как легко и свободно
 по холсту растекаются краски, –
 Их наносит шутя, ненароком
 неслышная кисть:
 В предвечерних лучах
 пламенеют горячие страсти,
 Догорает в тиши
 золотой остывающий лист.
 А на той стороне,
 за грунтованным белым окошком, –
 Непроглядный простор,
 что раздвинула дерзкая кисть,
 Где на серой земле
 лежит неземная пороша,
 И загадочный след
 рассекает туманную высь.
 Зорко смотрит сквозь мглу
 веселый порывистый мастер...
 На цветистом холсте
 вот сейчас, у меня на глазах,
 За тяжелую тучу
 солнце садится к ненастью,
 И безумный корабль
 летит на всех парусах.
 Вот и дикий причал –
 среди скал потаённая гавань.
 Здесь прозрачен прибой,
 и лазурная дымка легка,
 И глубины морские
 с небесными сходятся плавно,
 И в песчаное дно
 не насмотрятся век облака.
 Ни единой души...
 Только чайки и темные куццы
 И загадочный вымпел
 трепещет на вольном ветру...
 Над вечерним покоем
 свою длань распростер Всемогущий,
 Чтобы с первым лучом
 воссиять над землей поутру.

1999